

"В единственном доме"

Там за ее спиной пророчащих и спорящих,
Хохочущих в дыму, в единственном доме,
Слетевших на свет полуночное сборище,
Как больше никогда, как больше ни к кому.

Все, кто бывал на Успенской, 7, в этих строчках Юрия Михайлика из стихотворения "Памяти Ксаны Добролюбской" узнают Потерянный рай одесских шестидесятых годов...

Мы появились в этом доме, когда Константина Павловича Добролюбского уже не было на этом свете, но дух просвещения, книжности, интеллигентности — его наследство — поселился здесь навсегда. Он обитал в старинных книжных шкафах, в которых хранились редчайшие издания. Их можно было не только рассматривать с замиранием сердца, но и брать домой — не очень свойственная многим библиофилам щедрость. Этот дух обитал во всем, но, прежде всего, в самих Добролюбских.

Книжность сочеталась с иронией, добром, щедростью, какой-то, на первый взгляд, веселой безалаберностью быта.

Хранительницей этого очага после Константина Павловича оставалась Элеонора Исидоровна — "баба Нора", к которой относились с любовной иронией, вроде бы серьезно не воспринимали, со смехом выслушивали ее воспоминания о Цюрихе, о предреволюционной эмиграции, о "каком-то Ленине", с которым не хотели общаться...

Но когда Элеонора Исидоровна занимала свое неизменное место во главе большого овального стола, за которым собиралась не только семья, но и многочисленные друзья ("Спасибо, Элеонора Исидоровна, я уже обедала!" — "Ах, Валечка, вам и в третий раз не грех пообедать!"), было ясно, кто в доме старший. Не только по возрасту, но и по тайному, не признававшемуся вслух, авторитету. Особенно ясно это стало после ее ухода.

Кажется, что двери в этом доме не закрывались никогда, как всегда на столе стояла какая-нибудь снедь, для прибежавших, влетевших в дом гостей. Да, собственно говоря, мы все себя чувствовали в этом доме близкими, любимыми, всегда маленькая комнатка ("Крысиная") была в распоряжении бездомных либо засидевшихся особенно поздно друзей. Мы тоже не раз становились ночными постояльцами "Крысиной", хоть так и не поняли, откуда ее название — с существами, давшими название комнатке, слава Богу, ни разу не столкнулись.

А может, и в этом названии проявилась вечная любовь всех Добролюбских, а особенно Ксаночки, к моментальной иронической реакции, к шутливым прозвищам. В Андрюшиной комнате висело наставление, сочиненное Ксаночкой: "Пока ты играешь в кегли, сын Алексева-Попова умнеет!". "Лучший комплимент, который мне говорят — какой у вас красивый брат!", — смеялась Ксаночка, обожавшая своего брата.

Олег Константинович был "Извергом", Мария Гавриловна — Мума (Мура и мама соединились в одном имени), кошку звали Юмà, в честь единственной доступной в Союзе французской газеты "Юманите". Леня Королик заслуженно носил имя Красавчик. Постоянно бывавшая в доме пожилая приятельница, а может, родственница, носила добродушное и уютное имя "Аптека". Маленький Олег, сын Алеши и Стеллы Ивановых (еще один родной дом нашей юности!), требовавший от всех нас многочасового чтения, получил от Ксаны ласковое имя "Чудовище". Которое он носил все свое детство. Знакомясь с кем-то из новых гостей, Юра протянул руку и представился: "Михайлик". "Механик?" — переспросил гость, и долго Ксаночка звала Юру Механиком.

В Олеге Константиновиче сохранялась какая-то профессорская благодетельность, способность к детскому удивлению, даже некоторая наивность. Среди многочисленных Ксаночкиных поклонников оказался молодой парень, сантехник из ЖЭКа. На его предложение выйти за него замуж насмешница Ксана сказала: "Я-то не против, но попроси разрешения у моего отца". Парень долго готовился, наконец позвонил, дверь открыл Олег Константинович. Молодой человек долго мялся, не произнося ни слова. Олег Константинович решил, что сантехник что-то делал в доме, и с ним не расплатились. Вытащил деньги, протянул сантехнику. Тот взял деньги, повернулся и ушел. Так закончилось еще одно сватовство. А было их немало...

Мария Гавриловна была веселой, ироничной, смешливой. Она была непрременной участницей всех наших розыгрышей, бегала с нами в кино и при этом оставалась тактично отсутствующей.

Волнения в доме Добролюбских. В гости должен приехать из Франции племянник Марии Гавриловны Мишель со своей семьей. Их поселили в "Красной". Необременительный советский сервис предлагал французским родственникам завтракать в "Лондонской". Удивлению французов не было предела. (Как, в пижаме?) К посещению парижан готовились основательно. Нам эта большая профессорская квартира казалась прекрасной с ее столовой, окно которой выходило в "фонарь", Ксаночкина комната, отделенная от кухни окном, которое расписал под витраж Саша

Ануфриев, кабинет... Даже Крысиная, даже привидения — жаркими летними ночами открывались дверцы книжных шкафов, и поскрипывали половицы паркета.

В доме не было ни малейшего намека на роскошь, только аристократический дух свободомыслия, душевной щедрости и терпимости. И тут приехали французы. Ирония не изменила Добролюбским. Ксана со смехом живописала явление родственников. Первую же фразу, вылетевшую из уст племянника Марии Гавриловны: "Мура! (с французским ударением на втором слоге). Неужели ты здесь живешь?". Парижские и одесские представления о профессорской квартире были уж очень несхожими!

Но не только одесские друзья обожали этот дом. Так же к нему относились и многочисленные московские и питерские друзья.

Евгений Рейн, читавший "Рождественский романс" Иосифа Бродского и зычным голосом рассказывавший невероятные истории о Раковском, авторе исторических романов, о его беседе по телефону с товарищем Сталиным. Невероятно артистичный Рейн проигрывал свои апокрифические истории с невозмутимым лицом, а все слушатели задыхались от смеха.

Роман Каплан рассказывал о поездках в Таллинн, где в знакомых домах, естественно, все говорили по-эстонски. Как хозяин дома, чувствуя смущение, намекал, что его питерский друг не знает эстонского языка. Невозмутимые таллинцы вежливо кивали головами и тут же переходили на немецкий язык.

Пустая затея — перечислять всех, бывавших в этом доме. Столичных гостей удивляло отсутствие здесь провинциальности, многие писатели, которые стали широко или просто известны в последние годы — от Хаксли и Дос Пассоса до Жаботинского, например, были нам знакомы по парижским, довоенным рижским эмигрантским изданиям. Мы ездили на Московские кинофестивали, чтобы увидеть фильмы Феллини и Антониони, ездили посмотреть выставки и московские спектакли. В наглухо зарешеченной стране мы использовали любую возможность читать, смотреть, слушать...

Так прошла юность. А потом — потом не стало Ксаны. Как приступ боли — о ней стихи Юры Михайлика.

Памяти Ксаны Добролюбской

Назад, во времена, когда она, грассируя,
Кричит тебе: привет — распахивая дверь
И возникая в ней, — не то чтобы красивая —
Сияющая вся, как некому теперь.

Там за ее спиной слоистый дым нетающий,
Лабораторный спирт, разбавленный на треть,
Странноприимный дом, прибежище, пристанище,
Как некуда потом, как некуда и впредь.

Там за ее спиной пророчащих и спорящих,
Хохочущих в дыму, в единственном доме,
Слетевшихся на свет полуночное сборище,
Как больше никогда, как больше ни к кому.

Останется лишь то, что навсегда отнимется,
Не сбудется лишь то, что всем нам поделом.
Ей умирать одной — она была любимицей.
Ей замерзать во тьме — она была теплом.

Никто не знает дня, покуда счетчик щелкает,
Но если вправду есть дверь, за которой свет, —
Там девочка стоит с мальчишескою челкою
И, рассыпая "р", кричит тебе: привет.

Казалось, мы все знали об этом доме, о его обитателях. Юность Андриюши ("Гадюши", как называла его Ксаночка), теперь уже Андрея Олеговича, проходила на наших глазах. Но оказалось, что в доме была тайна, о которой не знали не только мы, но и домочадцы — наши ровесники. Эта тайна — рукопись Константина Павловича, размышления о том, что было, помогающее понять, что будет. Последний урок истории, проведенный К.П. Добролюбским.

Как хорошо, что внук Константина Павловича Андрей и его правнучка Юлия стали историками, как умно, тонко и интересно они прокомментировали рукопись, доставшуюся им в наследство. И как важно, что в год 210-летия Одессы эта рукопись становится книгой, приходит к одесситам.